

Ольга Клюкина

Святые в истории

Жития святых в новом формате

I-III века

Апостол Павел
Апостол Иоанн Богослов
Священномученик
Игнатий Богоносец
Мученик Иустин Философ
Мученик Аполлоний Римский
Мученица Перпетуя
Священномученик
Киприан Карфагенский
Святитель
Григорий Неокесарийский
Мученицы Агапия,
Ирина и Хиония

Святые в истории

Ольга Ключкина

**Святые в истории. Жития святых
в новом формате. I–III века**

«Никея»

2014

Клюкина О. П.

Святые в истории. Жития святых в новом формате. I–III века /
О. П. Клюкина — «Никея», 2014 — (Святые в истории)

В серии «Святые в истории» писательница Ольга Клюкина обращается к историческим свидетельствам, чтобы реконструировать биографии христианских подвижников различных эпох. О святых минувших столетий автор рассказывает живым современным языком, делая их близкими и понятными сегодняшнему читателю. Первая книга серии охватывает I–III века и посвящена эпохе гонений на христиан и становлению Церкви.

© Клюкина О. П., 2014

© Никея, 2014

Содержание

От издательства	6
Апостол Павел	7
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ольга Клюкина
Святые в истории. Жития святых
в новом формате. I–III века

© Ольга Клюкина, 2014

© Издательство «Никея», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

От издательства

Святость – состояние, к которому призваны все христиане. Недаром в первые века святыми именовали не выдающихся подвижников, а сообщество христиан в целом. Одновременно с этим складывалось и особое почитание мучеников, из которого впоследствии выросло почитание святых – не только погибших за веру, но и достигших своей праведной жизнью особой близости к Богу. «Друзья Божии» – так называл святых преподобный Иоанн Дамаскин в VIII веке. Как бы ни были далеки от их подвига простые верующие, в Церкви Христовой все обретают единство, ведь святые – это люди Церкви, воплотившие призыв к святости, который обращен к каждому христианину.

Жизнь святого всегда воспринималась как пример. В житиях – жанре, достигшем наивысшего расцвета в Средние века, – слушателей и читателей интересовали в первую очередь не исторические подробности, а воплощение подвижником христианского идеала святости. Многие жития создавались по образцу других, более ранних текстов, спустя не только годы, но и столетия после смерти святого, о котором порой не имелось практически никакой информации. Неудивительно, что современному читателю нередко бывает сложно за житийным образом разглядеть реального человека из плоти и крови.

Книга, которую вы держите в руках, открывает серию «Святые в истории». Ее автор, писательница Ольга Клюкина, воссоздает биографии святых различных эпох. Подобная реконструкция возможна лишь отчасти, особенно когда речь идет о святых древности, а во многих случаях недоступна вовсе. Поэтому серия включает жизнеописания тех подвижников, о которых имеются достаточные исторические сведения: мученические акты; жития, максимально приближенные по времени к описываемым событиям; свидетельства современников; наконец, сочинения самих святых. Биографии помещены в широкий исторический контекст, позволяющий более ярко представить реальную жизнь подвижников веры. Несмотря на обилие исторических фактов, книга читается удивительно легко, на одном дыхании. Рассказывая о святых прошлых столетий живым современным языком, автор делает их близкими и понятными сегодняшнему читателю.

Серия выстроена по хронологическому принципу. Ключевые моменты истории Церкви и святости каждого периода раскрываются через жизнеописания девяти наиболее значимых святых.

Первая книга серии посвящена эпохе гонений I–III веков. Вплоть до Миланского эдикта 313 года, провозгласившего религиозную терпимость в Римской империи, периоды относительного спокойствия сменялись волнами жестоких преследований христиан. Поэтому большинство ранних святых – мученики, погибшие за Христа. Вопреки обычной человеческой логике для Церкви эпоха гонений стала временем становления и роста. В ответ на проповедь апостолов и их учеников христианские общины возникали по всему миру, а пример мучеников вдохновлял все большее число последователей новой веры. Биографии, вошедшие в книгу, повествуют о людях с различными жизненными историями, характерами, талантами, о тех, кто во времена гонений и преследований воплотили призыв к святости и стали друзьями Божиими.

Апостол Павел

(† 67)

Где Дух Господень, там свобода.

(2 Кор. 3: 17)

Апостол Павел. Фрагмент мозаики. Арианский баптистерий, Равенна, Италия. VI в.

...Ураган налетел внезапно – моряки называют этот разрушительный ветер эвраквилон. Он пригоняет с востока черные тучи, а потом одним ударом гасит свет, обрушивает сверху потоки воды, меняет местами небо и море и всем кораблям, не успевшим укрыться в гавани, объявляет смертный приговор.

Судно из Александрии, перевозившее в Италию пшеницу, а заодно и узников на суд в Рим, тоже стало жертвой эвраквилона. Вот уже больше недели его, как скорлупку, болтало на огромных волнах. С тем лишь отличием, что корабль, сделанный руками людей, был менее прочным: скрипел, трещал и в любое мгновение мог развалиться на куски. Но каким-то чудом он все еще удерживался на поверхности воды.

Моряки давно сделали все что могли для спасения судна: убрали паруса ипустили его плыть по ветру, подрубили мачту, выбросили за борт весь груз – сначала мешки с пшеницей, а потом уже и мебель. На борту оставались 276 насмерть перепуганных человек, включая пленных и конвоиров, и никто из них давно уже не ел, не пил и не спал – все ожидали неминуемой гибели.

Лишь один человек на корабле сохранял спокойствие. Он говорил, что, хотя судно и потерпит кораблекрушение, команда и пассажиры все до одного спасутся, а ему самому суждено скоро увидеть Рим. И хотя поверить в такое было невозможно, пленные в трюме, да и охранники, как дети, старались быть к нему поближе.

Этого узника звали Павлом Тарсянином, и всем было ясно, что он – не обычный арестант. Начать с того, что в пути его сопровождали несколько человек, не закованных в цепи, – ученики, которые по доброй воле делили с пленным все тяготы морского путешествия. К тому же приставленный к Павлу конвоир – центурион Юлий обращался с ним на удивление мягко и даже почтительно. Да и матросы на судне теперь старались к Павлу прислушиваться. Он ведь заранее предупредил, что не надо сейчас отправляться в путь, предрекал большие беды в плавании. Капитан и сам понимал, насколько опасно в конце октября пытаться пересечь Средиземное море, но все же решил рискнуть, – и теперь все за это расплачивались.

На четырнадцатый день, когда ни у кого уже не оставалось никакой надежды, кто-то из пассажиров вдруг заметил за бортом полоску земли. Капитан приказал срочно бросить якоря, боясь, как бы судно не протасило ветром мимо суши. Матросы приободрились и даже попытались незаметно от всех спустить на воду шлюпку, чтобы на веслах добраться до берега. Но их задержали вооруженные охранники, не позволившие бросить корабль на произвол судьбы. На рассвете Павел велел всем подкрепиться перед последним испытанием и сам, первый, с молитвой, преломил хлеб – его примеру последовали остальные.

Утром подул попутный ветер. Матросы убрали якоря, поставили запасной парус, и судно понесло в сторону тихого залива. Но когда до берега оставалось совсем немного, корабль наскочил на мель и стал тонуть. Началась страшная паника: конвоиры испугались, как бы узники не сбежали вплавь, и хотели прямо здесь, на месте, всех перебить. Однако центурион Юлий не допустил такой жестокости. Он приказал всем плыть к берегу; не умеющих плавать стали переправлять на досках.

Как и предсказал Павел, ни один из пассажиров затонувшего судна не погиб – все нашли спасение на острове Мальта, который в то время был римской колонией.

Потерпевших кораблекрушение заметили местные жители. Они помогли разжечь костры, принесли еду и одежду. Вскоре на берег явился и римский наместник острова Публий и некоторых пригласил в свой дом. В их числе были центурион Юлий, Павел Тарсянин, его спутники Тимофей, Аристарх и Лука – тот самый евангелист Лука, кто впоследствии в «Деяниях святых апостолов» опишет эти и другие перипетии жизни апостола Павла.

На Мальте путешественники провели три холодных и самых опасных для навигации месяца – с середины ноября по середину февраля. И за это время многие смогли поближе познакомиться с необычным узником и узнать, почему его в оковах везут на суд в Рим.

Его часто так и называли: Павел Тарсянин, по имени родного города.

Город Тарс находился в Малой Азии, ее восточной области Киликия, на пересечении торговых путей Запада и Востока. Здесь было все, чем гордились римские колонии в разных частях света, старательно копировавшие Рим: дороги, водопроводы, стадионы, суды, общественные бани и арены для гладиаторских боев.

Пестрое население Тарса состояло из греков, римлян, армян, евреев, персов и других народностей, что, конечно, не могло не повлиять на мировоззрение апостола Павла, – он всегда легко находил общий язык с иноземцами.

Его отец был евреем, получившим римское гражданство, что по тем временам было большой редкостью. Римские провинции в основном населяли перегрины – подданные Рима без прав гражданства. Должно пройти еще более ста лет, прежде чем указом императора Каракаллы все жители провинций будут считаться римлянами и иметь равные гражданские права. Пока же звание римского гражданина нужно было чем-то заслужить – либо за большие деньги купить. Есть версия, что гражданство отцу апостола Павла принесло фамильное ремесло – изготовление палаток, в которых постоянно нуждалась римская армия.

В те годы у будущего апостола было другое имя – Савл, или Саул. Его род вел происхождение из колена Вениаминова, из которого был царь Саул, и, возможно, в честь него родители и назвали сына.

Вряд ли Савл – *фарисей, сын фарисея* (Деян. 22: 6), – получил в Тарсе классическое образование. Как правило, дети евреев учились в местных синагогах, помогая родителям в торговле или семейном ремесле. Но все же впоследствии в посланиях апостола Павла будет проскальзывать то строка из комедиографа Менандра, то цитата из древнего поэта Эпименида – кое-что из эллинского мира как-то проникало в замкнутую жизнь еврейских общин.

Когда Савл подрос, родители отправили его получать образование в Иерусалим. Там он учился у одного из самых тогда знаменитых учителей – Гамалиила Старшего – и считался одним из лучших его учеников.

Наверное, уже тогда в характере Савла было то, что он сам назовет словом «ревность». В том смысле, что каждому делу он отдавался ревностно, целиком, с полной самоотдачей – все или ничего!

В школе Савл подружился с еврейским юношей Иосифом, родом с Кипра, происходившим из богатой семьи. Друзья вместе преуспевали в толковании Торы – священной книги евреев. Но однажды Иосиф внезапно исчез, просто перестал приходить на занятия. Видимо, Савл не особенно старался его разыскать: он был самозабвенно занят учебой, много времени проводил в стенах Иерусалимского храма.

Все-таки в жизни много загадок... В то время, когда Савл преуспевал в фарисейской премудрости, по земле еще ходил Иисус Христос! Мало того, Христос как раз проповедовал в Иерусалиме, собирая в Иерусалимском храме толпы слушателей. А потом был суд у Понтия Пилата, Распятие на Голгофе, Воскресение Христа, схождение на апостолов Духа Святого в виде огненных языков и многие чудеса в Иерусалиме, совершаемые апостолами, – спрашивается, как же молодой и любознательный Савл мог все это пропустить?

Чтобы ответить на этот вопрос хотя бы отчасти, нужно внимательно присмотреться к учителю Савла. В «Деяниях святых апостолов» описана сцена, когда апостолов Петра и Иоанна хватают в Иерусалиме как возмутителей спокойствия и приводят на суд в синедрион.

Ученикам Христа предъявили самое страшное для евреев обвинение – в богохульстве, хуле на Бога. Ведь подсудимые называли Мессией, Царем Царей, который должен был, по обетованию, прийти на землю как освободитель и отомстить за все унижения еврейского народа, Иисуса Христа – Того, Кто был казнен самой позорной смертью, на Кресте, вместе с разбойниками... Потому на лицах большинства судей заранее читался смертный приговор.

Мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн... (1 Кор. 1: 23) – писал апостол Павел коринфянам. А в других переводах не «соблазн», а обида, оскорбление, преступление...

Скандал был в разгаре, когда слово на суде взял всеми уважаемый учитель Гамалиил. Смысл его спокойной, не лишеной высокомерия речи был примерно таким: мало ли в Иерусалиме то и дело появляется самозванцев, о которых потом никто даже и не вспоминает? Не так давно некий Февда выдавал себя за великого, затем появился Иуда Галилеянин, за которым тоже ходили толпы, теперь вот еще кто-то... Мудрые старейшины должны быть выше всего этого и не уподобляться легковерному народу.

...*Оставьте их; ибо если это предприятие и это дело – от человеков, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его* (Деян. 5: 38–39), – заключил свою речь на суде Гамалиил.

Как ни удивительно, но его слова быстро остудили пыл судей. Апостолов Петра и Иоанна хоть и наказали, запретив им говорить об Иисусе, но на этот раз все же отпустили.

Наверняка нечто подобное Гамалиил говорил и своим ученикам, советуя не отвлекаться «по пустякам» от изучения Священного Писания, а Савл, как мы помним, был ревностным в учебе.

Но вскоре ситуация в Иерусалиме изменилась: все чаще на улицах города говорили о том, что фарисеи не узнали и распяли Мессию, а Он на третий день воскрес; все чаще повторяли страшное предсказание Иисуса о разрушении Иерусалимского храма.

Фарисеи вступили в открытое противоборство с последователями Христа. Обратившихся в новую веру хватали и сажали в тюрьмы, жестоко наказывали. И вот уже впервые публично пролилась кровь христианского мученика. После судилища в синедрионе диакона иерусалимской христианской общины Стефана вывели за город и насмерть забили камнями. Среди тех, кто вел первомученика Стефана на казнь, был и молодой фарисей Савл, по его собственному признанию, бывший *неумеренным ревнителем отеческих преданий* (Гал. 1: 14).

Во время расправы Савл стерег одежду тех, кто свидетельствовал в суде против Стефана и бросал в него камни, – чтобы им было легче замахиваться...

На знаменитой картине Рембрандта «Побиение камнями святого Стефана», в ее верхней части по центру изображен и Савл, стерегущий одежды. Но разве узнаешь в этом упитанном курчавом юноше, который со страхом глядит на небо, будущего апостола Павла? Нет, это пока совсем другой человек...

И все же луч Божественного света, который видит перед смертью Стефан, когда говорит: *Господи! не вмени им греха* (Деян. 7: 60), уже почти коснулся щеки Савла... Во время преследований многие христиане вынуждены были бежать из Иерусалима. Но Савл на этом не успокоился: он пришел к первосвященнику и попросил у него полномочий искать последователей Христа в соседней Сирии и, независимо от того, мужчины это или женщины, всех приводить на суд в Иерусалим.

Заручившись письмами в синагоги, *дьяша угрозами и убийством на учеников Господа* (Деян. 9: 1), Савл с помощниками отправился в Дамаск.

Но по дороге в этот крупный сирийский город с ним произошло событие, полностью изменившее всю его жизнь.

Когда путники уже приближались к Дамаску, Савла внезапно осиял с неба свет, превосходящий самое яркое солнечное сияние. Он упал на землю и услышал Голос, говорящий ему:

– *Савл, Савл! Что ты гонишь Меня?*

– *Кто Ты, Господи?* – спросил Савл.

Комната крещения апостола Павла. Дамаск, Сирия

И услышал в ответ:

– *Я Иисус, Которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна.*

Савл в трепете и ужасе спросил:

– *Господи! Что повелишь мне делать?*

И Господь сказал ему:

– *Встань и иди в город; и сказано будет тебе, что тебе надобно делать* (Деян. 9: 4–6).

От нестерпимого света Савл ослеп, его буквально за руку довели до Дамаска. Никто из его спутников толком не понял, что произошло. Они видели, что Савл вдруг упал на землю и с кем-то разговаривал, – все остальное от них было скрыто.

Три дня Савл ничего не ел и не пил. Затем в Дамаске он был исцелен от слепоты христианином Ананией и им же вскоре крещен. Наверняка в те дни он не раз мысленно возвращался к чудесной встрече на дороге в Дамаск.

Христос спросил: «Зачем ты гонишь Меня?» Но ведь Савл не гнал лично Христа, он никогда Его даже не видел. Значит, Христос имел в виду Своих последователей и Свою Церковь, где Он незримо живет?

И вот Савл впервые переступил порог синагоги в Дамаске, где многие знали о письмах из синагории и ждали от него решительных действий, если даже крестивший его Анания говорил: «*Господи! я слышал от многих о сем человеке, сколько зла сделал он святым Твоим в Иерусалиме*» (Деян. 9: 13).

Но Савл стал говорить совершенно о другом: о Воскресшем Христе и встрече с Ним на дороге, чем приводил в замешательство Иудеев, живущих в Дамаске, доказывая, что *Сей есть Христос* (Деян. 9: 22).

Недоумение, а затем и озлобление старейшин синагоги дошло до такой степени, что Савл вынужден был скрыться из Дамаска, – какое-то время он проповедовал Христа в арабийских селениях. А когда снова вернулся в город, возмущенные евреи добились у властей разреше-

ния на его арест. Чтобы Савл снова не сбежал, на городских воротах была выставлена стража. Но дамасские христиане узнали о засаде и ночью тайно спустили Савла с городской стены в корзине.

Прошло три года, как Савл покинул Иерусалим, и возвращался он туда совсем другим человеком. Но здесь слишком хорошо помнили прежнего Савла – гонителя людей «пути», и он оказался как бы между двух огней: последователи Христа его сторонились и боялись, фарисеи ненавидели как предателя и отступника.

И тут неожиданно на помощь Савлу пришел его школьный друг Иосиф. Наконец-то выяснилось, почему и куда он несколько лет назад так внезапно исчез. Оказывается, Иосиф как-то отправился послушать Иисуса... и после этого ему больше не надо было никаких других учителей. В числе семидесяти он был призван Христом на апостольское служение и стал Его верным учеником.

Когда в Иерусалиме образовалась первая христианская церковь, Иосиф без колебаний продал свое имение – земельный участок, находившийся около Иерусалима, – и все вырученные деньги положил к ногам апостолов. С того времени его стали называть Варнавой, что значит «сын утешения». Смиренный, бескорыстный, Варнава обладал особым даром утешать и поддерживать людей.

Он и для Савла нашел слова утешения, первым поверив в его чудесное обращение, и сумел убедить в этом других, прежде всего – апостола Петра. Наверное, в это же самое время Варнава познакомил друга и со своим племянником Иоанном Марком – тем самым, который позже напишет одно из Евангелий.

Какое-то время друзья вместе проповедовали в Иерусалиме, и Савл особенно отличался в спорах с эллинистами (евреями, говорящими на греческом языке), которых и в Тарсе было немало. Но вскоре оставаться в Иерусалиме стало слишком опасно, и Савлу пришлось перебраться в родной город. Варнаву направили в Антиохию Сирийскую, где к тому времени образовалась крупная христианская община.

Мы не знаем, как встретила обновленного Савла его семья в Тарсе, – он нигде об этом не упоминает. Согласно преданию, у апостола Павла было две сестры – Зинаида и Филонилла, ставшие позднее христианскими подвижницами. Не тогда ли от брата они впервые услышали о Воскресшем Христе?

Спустя некоторое время Варнава прибыл за другом в Тарс, чтобы Савл тоже пришел потрудиться в Антиохию Великую.

В I веке Антиохия в Сирии считалась третьим по величине и богатству городом – после Рима и Александрии. Этот беломраморный город, расположенный на плодородной равнине в окружении Ливанских и Таврских гор, без преувеличения можно было назвать «полной чашей»: к услугам римлян сюда стекались все сокровища Востока. Через Антиохию шла торговля восточными пряностями и благовониями, шелковыми тканями и жемчугом. Затем товары переправлялись в ближайший портовый город Селевкию, а оттуда морским путем – в ненасытный Рим.

Красоту древней Антиохии мы хотя бы отчасти можем представить благодаря стараниям современных археологов. Через весь город проходила широкая ровная улица, с двух сторон окруженная колоннами из белого мрамора. В городе даже было дорожное освещение, в то время как римляне до сих пор по ночам освещали себе путь горящими факелами. А еще в Антиохии были великолепные дворцы, фонтаны, сады...

Именно в Антиохии находились знаменитые, воспетые древними поэтами рощи Дафны с храмами Дианы и Аполлона, где устраивались ритуальные оргии и было модно назначать любовные свидания. Об изнеженности и распущенности антиохийцев ходили поговорки. По свидетельствам современников, во время праздника брумалии в честь бога Дионисия, который

длился с середины ноября до середины декабря, город напоминал одну большую таверну, и улицы всю ночь оглашались песнями и шумом пирушек.

Сюда-то и явился Савл, чтобы учить людей воздержанию, целомудрию, нестяжанию, умению довольствоваться малым, – и у него это хорошо получалось. Даже в письмах угадывается его устная манера говорить доходчиво, образно и убедительно – почти афоризмами, которые надолго «впечатываются» в память.

Кто сеет скупо, тот скупо и пожнет, и кто сеет щедро, тот щедро и пожнет (2 Кор. 9: 6).

Худые сообщества развращают добрые нравы (1 Кор. 15: 33).

Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него... (1 Тим. 6: 7).

Не только эти, но и многие другие пословицы пришли к нам от апостола Павла.

В Антиохии приверженцев Христа впервые назвали привычным для нас словом «христиане», и таких в городе становилось все больше. Причем новое учение находило сторонников не только среди евреев, но и среди язычников – так называли всех, кто не соблюдал законы Моисея, к какому бы народу они ни принадлежали.

Как-то в антиохийскую общину пришли христианские проповедники, среди которых был пророк Агав. Он предсказал голод в Иерусалиме, что и сбылось во время правления римского императора Клавдия. С той поры у христиан Антиохии появилось еще одно важное дело – сбор пожертвований для иерусалимских братьев.

Собранные средства Савл и Варнава лично отвезли в Иерусалим и передали в руки «первейших», или «верховных», апостолов, как уважительно будет называть апостол Павел ближайших учеников Христа.

В Сирию друзья вернулись вместе с Марком – племянником Варнавы. Через какое-то время так же, втроем, они отправились в большое миссионерское путешествие.

Апостолы вышли в дальний путь налегке, да и во всем остальном они старались следовать заветам Христа:

Не берите ни мешка, ни сумы, ни обуви, и никого на дороге не приветствуйте. В какой дом войдете, сперва говорите: «мир дому сему»; и если будет там сын мира, то почит на нем мир ваш, а если нет, то к вам возвратится. В доме же том оставайтесь, ешьте и пейте, что у них есть, ибо трудящийся достоин награды за труды свои; не переходите из дома в дом. И если придете в какой город и примут вас, ешьте, что вам предложат, и исцеляйте находящихся в нем больных, и говорите им: «приблизилось к вам Царствие Божие». Если же придете в какой город и не примут вас, то, выйдя на улицу, скажите: и прах, прилипший к нам от вашего города, отрясаем вам...» (Лк. 10: 4-11).

Первым местом их миссионерских трудов стал Кипр – родина Варнавы. На острове было много крупных еврейских общин, а следовательно, и синагог, где в первые десятилетия христианства велась проповедь. Ведь изначально евреям, знакомым с древними предсказаниями Священного Писания, было легче объяснять, что во Христе все эти пророчества наконец-то свершились.

Проповедники высадились в восточной части Кипра и пришли в Саламин – родной город Варнавы.

Церковное предание сохранило для нас имя брата Варнавы – Аристовул, который станет епископом в далекой Британии, и в этом тоже угадывается след той кипрской миссии...

Апостолы Павел, Варнава и Марк прошли с востока на запад весь остров, останавливаясь в больших городах и проповедуя в местных синагогах.

Как правило, это происходило таким образом. Каждую субботу в синагоге (а их могло быть и несколько в большом городе) собирались евреи, живущие по законам Моисея. После чтения Закона и Пророков любой взрослый мужчина мог взять слово и высказаться. Ну а если

человек пришел издалека, гостя тем более окружали, расспрашивали о новостях из других мест, просили выступить.

Тогда апостолы сообщали слушателям главную новость – Благою Весть о Воскресшем Христе, после чего излагали христианское учение.

Поначалу это вызывало сильное удивление. Слушатели разворачивали свитки Торы, находя знакомые слова древнейших пророчеств, которые так странно трактовали гости, и задавали много вопросов. Но, как правило, объяснения вызывали у большинства раздражение, а зачастую – гнев и протест. Старейшины обращались к властям с требованием, чтобы проповедников посадили в тюрьму или выгнали из города, а бывали случаи, когда на них прямо в синагоге набрасывались с кулаками.

Тогда апостолы, как учил Христос, отрясали с сандалий своих прах не принявшего их города и переходили в другое место. Но всякий раз среди слушателей находились те, кому учение Христа западало в душу, – они-то и становились той *малой закваской* (Гал. 5: 9), из которой появлялась новая христианская община.

На Кипре, в Пафосе, туристам до сих пор показывают обломок мраморной колонны, к которой, по преданию, был привязан апостол Павел и бит плетью, свитой из тридцати девяти ремней. Говорят, он получил пять раз по сорок ударов без одного, то есть перенес сто девяносто девять ударов плетью, – такое сильно впечатляет! По некоторым сведениям, на месте древних руин в то время находилась подземная тюрьма, где держали миссионеров.

Время не сохранило для нас всех подробностей. Но один случай из кипрского миссионерского путешествия все же известен.

В Пафосе, западном портовом городе Кипра, находилась резиденция римского проконсула, управлявшего всем островом. Его звали Сергиус Паулус, и в «Деяниях святых апостолов» он характеризуется как *муж разумный* (Деян. 13: 7). Желая познакомиться с новым учением, он пригласил Савла и Варнаву на аудиенцию. На встрече присутствовал некий волхв Елима – приближенная особа Сергиуса Паулуса, кто-то вроде придворного чародея или толкователя снов. Этот Елима то и дело встречал в разговор, перечил апостолу и мешал говорить. Тогда Савл вышел из себя и сказал ему: *Ты будешь слеп и не увидишь солнца до времени* (Деян. 13: 11) – и волхв действительно на какое-то время ослеп.

На проконсула это произвело такое сильное впечатление, что он тоже признал силу христианского Бога.

С этого момента Лука, автор «Деяний святых апостолов», начинает называть Савла другим именем – Павел. На этот счет существует множество различных версий. Например, блаженный Августин писал, что апостол «предпочел называться не Савлом, как раньше, а Павлом в знак великой победы: он, воин, сразил гордость проконсула Павла, подвел его под легкое иго Христово» (Блаженный Августин. «Исповедь». Книга 8). А есть и другая версия: по-латыни Paulus – значит «маленький», и, возможно, приняв новое имя, чудотворец пытался оградить себя от излишнего возвеличивания.

В Первом Послании к Коринфянам апостол Павел сказал о себе: *Ибо я наименьший из Апостолов, и недостойн называться Апостолом, потому что гнал церковь Божию* (1 Кор. 15: 9).

Обойдя весь Кипр, миссионеры отплыли обратно к берегам Малой Азии – но не в Селевкию, откуда они начинали свой путь. Проповедники высадились неподалеку от цветущего города Пергия, и здесь между ними произошла размолвка.

Павел принял решение (по всей видимости, спонтанное!) не останавливаться на достигнутом, а пройти с проповедью по Малой Азии. Марк торопился вернуться. Не хочется думать, что он, как это трактовал Феофилакт Болгарский, испугался трудностей предстоящего путешествия. В историю Церкви апостол Марк вошел как аскет и подвижник, основавший в Египте

первую школу пустынножительства. Возможно, у него были другие обязательства, и он не рассчитывал на столь длительное путешествие.

Как бы то ни было, Марк отправился в Иерусалим, а Павел с Варнавой – в трудный и опасный путь через гористую Писидию к центральным областям Малой Азии – по бездорожью, пробираясь горными тропами сквозь ущелья и бурные реки.

Много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасности от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в нагоде, – напишет апостол Павел во Втором Послании к Коринфянам, вероятно, вспоминая и это свое путешествие с Варнавой (2 Кор. 11: 26–27).

Наконец миссионеры добрались до Антиохии Писидийской, довольно крупного города в центральной части полуострова.

В древности было много городов с похожими названиями. Каждый император или восточный царь мог любой понравившийся город назвать своим именем или очередной Цезарией (Кесарией) – в честь цезаря. Эта Антиохия находилась в провинции Писидия и выглядела гораздо скромнее своей сирийской тезки.

Как всегда, в субботу миссионеры пришли в синагогу, где говорили о земной жизни, Распятии и Воскресении Иисуса Христа. На выходе их окружила толпа любопытных, и Павел с Варнавой всю неделю знакомили местных жителей с христианским учением.

К следующей субботе в синагоге уже собрался весь город, но старейшины испугались и не хотели давать апостолам слова. Именно тогда возмущенный Павел, уходя из синагоги, сказал евреям очень важные для всей его дальнейшей миссии слова: *Вам первым надлежало быть проповедану слову Божию, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам* (Деян. 13: 46).

В конце концов старейшинам все же удалось добиться постановления местных властей об изгнании Павла и Варнавы из города. Но к тому времени в Антиохии Писидийской уже сложилась крепкая христианская община, куда апостол Павел еще не раз будет возвращаться.

Следующим городом на пути миссионеров была Икония. Здесь многие враждебно восприняли проповедь Христа, и дело дошло до того, что местные жители, подстрекаемые старейшинами синагоги, хотели побить миссионеров камнями.

По преданию, в Иконии апостол Павел обратил в христианство молодую красивую девушку Феклу. Уверовав во Христа, она отказалась от брака с женихом-язычником, за что подверглась нападкам со стороны матери.

Со временем эта история все более окрашивалась в мелодраматические тона: известно, что некий малоазийский пресвитер во II веке написал сомнительное сочинение под названием «Деяния Павла и Феклы». На самом деле Фекла не была спутницей Павла в его дальнейших путешествиях, а переселилась в Сирию, где стала христианской подвижницей, – Церковь прославляет ее как первомученицу и равноапостольную.

В городе Листра с Павлом и Варнавой произошел интересный случай. Павел тоже совершил здесь чудо – исцелил хромого, и слух об этом с быстротой ветра распространился среди местных жителей. Они решили, что к ним с неба явились два божества, на время принявшие человеческий облик. Варнаву, который был выше ростом и выглядел более представительно, приняли за Зевса, а умевшего складно говорить Павла – за Гермеса. В храме за городом, который был посвящен Зевсу, началась лихорадочная подготовка к празднику: в честь почетных гостей колонны украшали цветами и венками, привели быков для жертвоприношений...

Увидев это, Павел и Варнава разорвали на себе одежды, чтобы все убедились: они – простые смертные. И стали говорить об истинном Боге, Который пришел на землю, чтобы искупить грехи людей, – об Иисусе Христе.

Главной целью апостольских путешествий было создание в новых местах христианских церквей, а одних только проповедей для этого было недостаточно. Людей, уверовавших во Христа, следовало еще и научить христианской жизни. Поэтому апостолы, как только появлялась такая возможность, старались обосноваться на новом месте на несколько месяцев, а иногда и на несколько лет – чтобы жить с новообращенными одной жизнью. Переходя в следующий город, они рукополагали епископов (в переводе с греческого – «надзирателей») и пресвитеров («старейшин»), выбирая их из числа своих первых, наиболее достойных учеников, чтобы те в отсутствие апостолов продолжали заботиться о вновь образованных христианских общинах.

К основанным им церквям апостол Павел, без преувеличения, относился, как к собственным детям – драгоценным и любимым созданиям. Он радовался их успехам, тревожился, защищал от ересей, искал любую возможность для новой встречи.

Вы – дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос! – напишет он в Послании к Галатам (Гал. 4: 19).

Мы могли явиться с важностью, как Апостолы Христовы, но были тихи среди вас, подобно как кормилица нежно обходится с детьми своими, – признается христианам из Фессалоники (1 Фес. 2: 7).

Ибо, хотя у вас тысячи наставников во Христе, но не много отцов; я родил вас во Христе Иисусе благовествованием, – из Первого Послания к Коринфянам (1 Кор. 4: 15).

Вот так, для всех и все сразу: и мать, и отец, и заботливая кормилица.

Чтобы ни от кого не зависеть и не быть в тягость общине, апостол Павел обычно занимался ремеслом – делал на продажу палатки. Он часто повторял: *если кто не хочет трудиться, тот и не ешь* (2 Фес. 3: 10), хотя мог бы к себе это не применять. Палаточное ремесло помимо всего прочего давало ему возможность не терять времени до субботы и проповедовать на рынке, среди покупателей.

В одном из посланий апостол Павел даже назовет земной дом, который неизбежно будет разрушен, палаткой – обещая взамен *от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный* (2 Кор. 5: 1).

В Листре Павел сблизился с семьей, состоявшей из вдовы Евники, ее матери и малолетнего сына Тимофея. Обе женщины стали христианками – и не только они одни. Многие видели, что явившиеся издалека миссионеры готовы ради них терпеть любые лишения, даже рисковать жизнью, и это тоже была своего рода проповедь – пример жертвенной христианской любви.

Слухи о христианской общине в Листре вскоре дошли до Иконии, где о миссионерах еще не успели забыть.

Старейшины синагоги прислали в Листру своих «карателей». Те схватили Павла, побили камнями и бросили за городом, думая, что он умер.

Местные христиане подобрали и вылечили апостола Павла. После этого они с Варнавой перешли в соседний город Дервию, где тоже нашли немало сторонников.

В то время Малая Азия состояла из небольших областей, не похожих друг на друга ни по составу населения, ни по уровню цивилизации. Подчинив полуостров своей власти, римляне для удобства разделили его на более крупные административные округа, назвав всю центральную часть Галатией.

Вот и апостол Павел все основанные в разных городах церкви называл галатийскими, а христиан – галатами.

Почти пять лет продолжалось первое миссионерское путешествие апостолов Павла и Варнавы. Невзирая на трудности, миссионеры возвратились к морю тем же самым путем, чтобы еще раз навестить созданные ими в Галатии церкви.

За время их отсутствия в Антиохии Сирийской тоже произошли перемены: община пополнилась новыми братьями, в том числе и из язычников.

Однажды Антиохию посетили христианские проповедники из Иерусалима, обходившие Иудею и Самарию. Они пришли в ужас от того, что антиохийские христиане из иудеев свободно причащаются за одним столом с бывшими язычниками – необрезанными. Ссылаясь на авторитет Иерусалима, они заявили, что без соблюдения в полной степени законов Моисея никому не-возможно спастись.

Начались споры. Павел отстаивал свое мнение, которое он позднее с присущей ему афористичностью выразит в Послании к Колоссянам: *...нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос* (Кол. 3: 11). Чтобы положить конец распрям и заручиться мнением авторитетных, «верховных» апостолов, Павел с Варнавой отправились в Иерусалим. Павел взял с собой еще ученика Тита, из необрезанных, – не исключено, чтобы показать наглядный пример христианского благочестия не только среди евреев.

В Иерусалиме они легче всего нашли общий язык с апостолом Петром. Как мы помним, Петр некогда и сам в доме римского сотника Корнилия пережил опыт обращения язычников. После его полного чудес и необычных видений рассказа об этом событии многие вынуждены были при-знать, что, *видно, и язычникам дал Бог покаяние в жизнь* (Деян. 11: 18). Но тогда это был единичный, особый случай, к тому же подкрепленный несомненным авторитетом апостола Петра. Теперь иноплеменники обращались в христианство по-всюду и целыми семьями, так что пришло время выработать на этот счет какие-то общие правила. Что и было сделано на большом собрании, которое вошло в историю Церкви под названием Апостольского собора в Иерусалиме. На нем было вынесено коллективное решение: продолжить повсеместное обращение язычников, не требуя от них исполнения такого тяжелого и малопонятного для других обряда, как обрезание. Но при этом строго следить, чтобы новообращенные воздерживались от мяса животных, принесенных в жертву языческим богам, или с кровью, а также уклонялись от блуда.

Это была серьезная победа апостола Павла и его единомышленников, но, как мы увидим, еще не окончательная.

В Сирию были направлены два авторитетных представителя иерусалимской общины: Иуда Бар-Саба и Сила. Эти люди считались пророками и должны были при всех засвидетельствовать в Антиохии решения собора. Иуда вскоре вернулся в Иерусалим, а вот Сила остался в Антиохии – именно ему будет суждено отправиться с Павлом во второе миссионерское путешествие.

Как и в первый раз, Варнава предложил взять с собой племянника, но Павел отказался: возможно, он все еще не мог простить Марку, что тот покинул их во время первой миссии. Варнава встал на защиту Марка, а Павел очень не любил, чтобы ему перечили... С этого момента пути друзей снова надолго разошлись. Варнава и Марк отправились с проповедью на Кипр, а Павел с Силой – в Галатию и оттуда – на запад Малой Азии.

Пройдет время, и Павел с Варнавой по-братски обнимутся в Антиохии. Да и Марк станет апостолу Павлу верным помощником, если во Втором Послании к Тимофею он напишет: *Марка возьми и приведи с собою, ибо он мне нужен для служения* (2 Тим. 4: 11).

Но пока что Павел отправился в путь вместе с Силой (апостолы редко путешествовали поодиночке, это было слишком опасно), который ко всему прочему представлял голос «материнской» Иерусалимской Церкви.

Во время последнего визита в Иерусалим апостол Павел во всех подробностях изложил «знаменитейшим» апостолам, а именно Петру, Иоанну и Иакову, брату Господню, свое понимание Евангелия так, как он проповедовал его язычникам. И они все полностью его одобрили: не нашли ничего ни прибавить, ни возразить.

Узнав о благодати, данной мне, Иаков и Кифа (Петр) и Иоанн, почитаемые столпами, подали мне и Варнаве рuku общения, чтобы нам идти к язычникам, а им к обрезанным, – писал

апостол Павел в Послании к Галатам (Гал. 2: 9). Он все чаще будет называть себя «апостолом язычников», сознавая в этом свою особую миссию.

Первым делом они с Силой обошли существующие галатийские церкви в Дервии, Листре, Икони и Антиохии Писидийской.

В Листре, в доме вдовы Евники, миссионеры встретили повзрослевшего Тимофея, который пошел вместе с ними. *Тимофей, истинный сын в вере* (1 Тим. 1: 2), был и диаконом, и секретарем, и до конца дней одним из самых преданных помощников апостола Павла.

Миссионеры хотели обойти с проповедью всю римскую провинцию Азия, но этим планам не суждено было сбыться. Однажды Павел увидел во сне македонянина, который просил о помощи, и апостол воспринял это как повеление идти в Македонию.

Добравшись до порта в Троаде, миссионеры сели на корабль и отплыли в Македонию. В Троаде к ним присоединился еще и *Лука, врач возлюбленный* (Кол. 4: 14), а в будущем – евангелист и автор «Деяний святых апостолов». Одним из мест, где Павел и его спутники поселились на продолжительное время, стал утопающий в зелени македонский город Филиппы. Местные евреи даже свои собрания проводили здесь под открытым небом, на живописном берегу реки. Сюда-то и пришли, дождавшись субботы, христианские миссионеры, чтобы рассказать о Распятом и Воскресшем Христе.

Вдова по имени Лидия прониклась таким сочувствием к проповедникам, что упросила их поселиться в ее доме и вскоре вместе со всеми домочадцами приняла крещение. Ее примеру последовали другие. В Филиппах образовалась преданная апостолу Павлу церковь – единственная, от которой он принимал даже денежную помощь.

Чему же учил апостол Павел новообращенных христиан? Для этого нужно внимательно прочитать все его послания – их сохранилось четырнадцать, но, по мнению ученых, было написано гораздо больше. В посланиях изложены главные истины христианства: о Личности Иисуса Христа и Его миссии на земле, о благодати, о любви к Богу и ближнему.

Если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша (1 Кор. 15: 14).

Смотрите, чтобы кто кому не воздавал злом за зло; но всегда ищите добра и друг другу и всем. Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За все благодарите: ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе. Духа не угашайте (1 Фес. 5: 15–19).

Не о себе только каждый заботься, но каждый и о других (Фил. 2: 4).

Смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые, дорожа временем, потому что дни лукавы (Еф. 5: 15–16).

Не случайно апологеты – защитники христианства – впоследствии будут так много говорить о нравственном преображении людей, принимающих Христа. В глазах окружающих эти изменения к лучшему были настолько заметными и впечатляющими, что просто не могли произойти без помощи свыше.

«Мы прежде находили удовольствие в любодеянии, ныне любим одно целомудрие, прежде пользовались хитростями магии, а ныне предаем себя благому и нерожденному Богу; прежде мы более всего заботились о снискании богатства и имения, ныне и то, что имеем, вносим в общество и делимся со всяким нуждающимся; прежде друг друга ненавидели и убивали, и не хотели пользоваться одним очагом с иноплеменниками, по разности обычаев, – ныне, по явлении Христовом, живем вместе и молимся за врагов наших.» – написал об этом через сто лет Иустин Философ (Апология 1. Гл. 14).

Блаженный Августин, живший в V веке, рассказывал, что именно слова из послания апостола Павла помогли ему избавиться от последних колебаний на таком его непростом, извилистом пути ко Христу.

«Я схватил их [апостольские послания], – писал он в своей «Исповеди», – открыл и в молчании прочел главу, первую попавшуюся мне на глаза: *Не предавайтесь ни пированиям и*

пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти; но облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа, и попечения о плоти не превращайте в похоти (Рим. 13: 13–14). Я не захотел читать дальше, да и не нужно было: после этого текста сердце мое залили свет и покой, исчез мрак моих сомнений».

В Филиппах апостол Павел сотворил чудо изгнания злого духа. Направляясь к реке на место собраний, миссионеры всякий раз встречали молодую рабыню, которую в городе считали пифией, умеющей предсказывать будущее. Рабыня по пятам преследовала проповедников, не давая им прохода, и громко кричала: *Эти люди – рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения* (Деян. 16: 17). Так продолжалось много дней. Наконец Павел изгнал из нее злого духа, после чего девушка успокоилась.

Но это сильно не понравилось хозяевам рабыни, которые привыкли зарабатывать на ее предсказаниях. Они затеяли судебную тяжбу, заявив, что явившиеся в город проповедники лишили их дохода.

Апостолов Павла и Силу схватили, потащив на агору – рыночную площадь. Жалобщики напирала и на то, что чужеземцы ведут недозволенные проповеди и нарушают спокойствие в городе. Местные судьи (дуумвиры) приговорили Павла и Силу к битью палками, после чего бросили в темницу, забив им ноги в колодки, как преступникам.

В тюрьме Павел и Сила объявили тюремщику, что они являются римскими гражданами и, значит, с ними поступили не по закону. Тюремщик испугался: насилие и пытки по отношению к имеющим римское гражданство бы ли серьезными, наказуемыми преступлениями. Осужденных освободили из колодок и хотели прямо ночью выпустить из тюрьмы. Но Павел отказался выходить тайком, потребовав, чтобы дуумвиры освободили их в присутствии всех горожан и тем самым признали их невиновность. Наутро судьи сами освободили пленников и упростили покинуть город.

Следующим местом, где стараниями миссионеров тоже появилась церковь, стал крупный македонский город Фессалоники. Павел с учениками поселились в доме еврея Иисуса, которого здесь на греческий лад звали Язоном. Но Павел имел у него только кров, по-прежнему зарабатывая на жизнь изготовлением палаток.

Во Втором Послании к Фессалоникийцам он писал: *Мы не бесчинствовали у вас, ни у кого не ели хлеба даром, но занимались трудом и работою ночь и день, чтобы не обременить кого из вас, – не потому, чтобы мы не имели власти, но чтобы себя самих дать вам в образец для подражания нам* (2 Фес. 3: 7–9).

Но и в Фессалониках недовольные ревнители закона Моисеева подняли против христианских проповедников бунт. Бунтовщики ворвались в дом Язона и потребовали, чтобы тот выдал им Павла и его спутников. А так как их в то время дома не оказалось, они схватили хозяина и повели в суд. С большим трудом удалось договориться, чтобы Язона все же отпустили под залог. Впоследствии Язон стал первым епископом острова Керкира (Корфу).

В эту же ночь христиане тайно вывели Павла с учениками из города, и на какое-то время миссионеры обосновались в соседней Верии. Но вскоре и сюда добрались враждебно настроенные евреи из Фессалоники. Они стали буквально охотиться за Павлом. Оставив на какое-то время спутников в Македонии, апостол Павел отправился в Грецию и вскоре появился в Афинах.

К тому времени Греция давно уже была римской провинцией Ахея с главным городом Коринфом. Но прославленные с древности Афины по-прежнему оставались центром эллинской науки, философии и искусства. И хотя город много раз нещадно грабили, его улицы были заполнены мраморными храмами, святилищами, многочисленными статуями античных богов и богинь, а в глазах апостола Павла – идолами. Но один памятник все же привлек его внимание: древний алтарь, посвященный неизвестному богу. Полная надпись на жертвеннике гласила: «Богам Азии и Европы и Африки; богам неведомым и чужеземным»...

В Афинах Павел выступал не только в синагогах, но и на городских улицах и площадях, давно сознавая, что *должен и Еллинам и варварам, мудрецам и невеждам* (Рим. 1: 14).

В те времена выступления уличных ораторов были обычным делом. Любой человек мог на перекрестке улиц взобраться на обломок колонны и обратиться к прохожим с речью – если хотел сообщить какую-то новость или просто поделиться своими мыслями. Если другим это было интересно, вокруг уличного оратора собиралась толпа любопытных, если не слишком – люди, не останавливаясь, шли по своим делам мимо.

Афиняне – не только простые горожане, но и ученые мужи – слушали апостола Павла с большим любопытством. К нему подходили стоики, эпикурейцы, представители других философских школ. Они понимали, что оратор говорит о неизвестном им Боге и излагает новое учение, но не могли уловить сути. Тогда Павла пригласили выступить в афинском Ареопаге, где проходили главные собрания и куда допускались только избранные.

Апостол Павел начал свою речь с интриги: он готов всем рассказать о том самом неизвестном Боге, которому в Афинах стоит жертвенник, – это Иисус Христос! После чего принялся с воодушевлением излагать христианское учение. По свидетельству Луки, он даже процитировал Арата, известного поэта-стоика, но, когда дошел до Воскресения Иисуса, слушатели его прервали. Одни открыто над Павлом насмеялись, другие, более вежливые, говорили, что лучше выслушают его в следующий раз.

Любой другой оратор воспринял бы это как неудачу, провал, но только не апостол Павел. Он сделал важнейший вывод о том, что величие христианского учения открывается в простоте сердца, и для этого вовсе не обязательно быть «мудрым мира сего»... *Но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее*, – сформулирует он эту мысль в Первом Послании к Коринфянам (1 Кор. 1: 27–28).

К тому же апостол Павел был слишком не похож на прославленных ораторов, которых привыкли видеть в Ареопаге. Писатель Флавий Филострат, сохранивший для нас жизнеописание известных афинских ораторов своего времени, рассказывает, что один из них имел обыкновение приезжать на свои выступления в повозке с золотой упряжкой и в богатом наряде, сверкая на солнце драгоценными камнями, другие производили впечатление на слушателей громоподобным голосом или выразительными актерскими жестами.

Апостол Павел умел говорить с жаром, вдохновенно, но при этом не заботился о том, чтобы произвести на кого-либо приятное впечатление. Считается даже, что он не слишком чисто говорил на греческом языке и мог допускать в произношении ошибки. Одет он тоже был весьма скромно, его внешность была далека от идеалов античной красоты...

Впрочем, о том, как выглядел апостол Павел, мы можем судить лишь по апокрифам, которым стоит доверять только отчасти. В них рисуется приблизительно такой портрет: ниже среднего роста, сутулый, с залысинами на голове... А вот как описывал внешность апостола средневековый автор Никифор Каллист: «Павел был ростом мал, непрямым и несколько согбенным, лицо у него было чистое и являло признаки долгих лет, голова плешива...»

Что касается «признаков долгих лет», о них апостол и сам напишет в Послании к Филимону: *Я, Павел старец, а теперь и узник Иисуса Христа...* (Флм. 1:9), – а ведь, по мнению большинства исследователей, на тот момент «старцу» еще не было и шестидесяти.

В 2009 году в немецких газетах был опубликован так называемый фантом-портрет святого апостола Павла. При помощи современных технологий внешность апостола попытались воссоздать специалисты криминальной полиции Дюссельдорфа под руководством немецкого историка Михаэля Хеземана, много лет работавшего над научной книгой об апостоле Павле. Но слишком уж унылый, меланхоличный вид получился на этой качественной цветной фотографии у того, кто при жизни являл собой воодушевление и высокий духовный порыв.

Великому русскому иконописцу Андрею Рублеву (XVI век) удалось замечательно передать облик Павла: и его легкую сутуловатость, и залысины, и морщины на высоком челе, и внутреннюю собранность, и силу воли, и смирение апостола...

Даже после незаконченного выступления апостола Павла в афинском Ареопаге несколько человек уверовали в Христа – Дионисий (его называют Дионисием Ареопагитом), женщина по имени Дамарь (судя по имени, не афинянка) и некоторые другие.

Дождавшись в Афинах прибытия учеников, апостол Павел вместе с ними перебрался в Коринф. Незадолго до этого здесь поселилась группа христиан, изгнанных из Рима, и одна благочестивая супружеская пара из Коринфа – Акила и его жена Прискилла – стала особенно близка апостолу.

Приветствуйте Прискиллу и Акилу, сотрудников моих во Христе Иисусе, которые голову свою полагали за мою душу, – вспомнит о них Павел в Послании к Римлянам (Рим. 16: 3–4).

По счастливому совпадению Акила с Прискиллой тоже занимались изготовлением палаток, и их дом в Коринфе сделался общей мастерской.

Полтора года прожил в Коринфе апостол Павел в кругу друзей и единомышленников, часто проповедуя в доме Тита Юста, где двери были открыты для всех, кто хотел узнать о Христе. В этом городе произошло даже то, что еще недавно трудно было представить: в христианство обратился глава еврейской синагоги Крисп, и апостол Павел лично покрестил и его самого, и всех его домочадцев.

Более-менее спокойную жизнь миссионеров в Коринфе можно объяснить и благоприятно сложившимися внешними обстоятельствами. В то время должность проконсула римской провинции Ахея занимал один из образованных римлян своего времени – Марк Анней Новат, старший брат философа Сенеки. Этот человек вошел в историю под именем Галлион, которое он принял в честь своего опекуна. «Никто никогда не относился так благосклонно к кому-нибудь, как относится мой брат ко всем», – писал о нем Сенека.

Новый глава синагоги Сосфен, заступивший на место Криспа, сделал было попытку привлечь Павла к суду за христианские проповеди. Выслушав его обвинения, Галлион сказал:

– Иудеи! если бы какая-нибудь была обида или злой умысел, то я имел бы причину выслушивать вас. Но когда идет спор об учении и об именах и о законе вашем, то разбирайте сами; я не хочу быть судьей в этом (Деян. 18: 14–15).

После чего отправил по домам и обвинителей, и ответчиков. Сосфен убедился, что городские власти не будут оказывать ему поддержку, и вынужден был на время притихнуть.

В письме к коринфянам апостол Павел написал, может быть, самые великие слова о христианской любви в истории человечества:

Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит (1 Кор. 13: 1–7).

В этом же Послании он сделал и такое признание:

И был я у вас в немощи и в страхе и в великом трепете. И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы (1 Кор. 2: 3–4).

Да, и в немощах тоже... Уже во время первого миссионерского путешествия у Павла были серьезные проблемы со здоровьем, о которых он уклончиво сказал: *дано мне жало в плоть* (2 Кор. 12: 7). Кто-то из исследователей считает, что его мучили постоянные головные

боли, другие говорят о малярии, третьи – о болезни глаз, обратив внимание на неестественно крупные буквы в посланиях, написанных его рукой. Да и о каком здоровье можно говорить при такой подвижнической и жертвенной жизни – всегда в дороге, с ночевками под открытым небом или в тюремных казематах.

От Иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской (2 Кор. 11: 24–25). Много сил требовала и борьба с теми, кого апостол Павел называл *лжеапостолами, лукавыми делателями, принимающими вид Апостолов Христовых* (2 Кор. 11: 13).

С этой проблемой он по-настоящему столкнулся, когда вернулся из второго путешествия обратно в Сирию. Но на обратном пути он с учениками еще отпраздновал Пасху в Иерусалиме, наверняка обратив внимание на изменившиеся в общине настроения. Многие иерусалимские братья уже открыто высказывали недовольство по поводу обращения язычников, не соблюдавших в полной мере закона Моисеева, и говорили, что решения Апостольского собора следует пересмотреть.

Главой Иерусалимской Церкви в то время был Иаков, брат Господень, – строжайший аскет и молитвенник. Про него говорили, что он никогда не пил вина, не ел мяса, не носил шерстяной одежды и столько времени проводил на молитве в храме, что на коленях у него были верблюжьи мозоли.

Апостол Иаков строго соблюдал Моисеевы законы и даже носил на себе петалон – золотую дощечку, которую имели право надевать только первосвященники. Примерно такого же склада были и люди из его ближайшего окружения – с той только разницей, что религиозный пыл они направляли еще и на активную борьбу с инакомыслием. Они были убеждены, что каждый иноплеменник, принимающий христианство, сначала должен стать иудеем – то есть совершить обрезание и в строгости соблюдать все предписанные Моисеем законы.

Сейчас такая постановка вопроса кажется даже странной, но тогда она удивляла в основном апостола Павла и его сторонников. Большинство в Иерусалиме разделяли мнение тех, кого теперь принято называть «иудеохристианами», или «иудействующими», – а в те времена это были просто иерусалимские христиане, убежденные в своем превосходстве над остальными.

Можно представить, как раздражал их апостол Павел, который свободно признавался: *... для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для чуждых закона – как чуждый закона, – не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу, – чтобы приобрести чуждых закона; для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых* (1 Кор. 9: 20–22).

Как только Павел вернулся в Антиохию Сирийскую, вслед за ним сразу же прибыли посланцы из Иерусалима с письмами за подписью Иакова, где всем новообращенным предписывалось в полной мере исполнять закон и совершать обрезание.

Заставить грека, римлянина или армянина превратиться в иудея? После второго путешествия по миру апостол Павел тем более понимал, что это означало бы крах всей христианской проповеди.

В это время в Антиохии как раз находился апостол Петр – он тоже сидел за одним столом с необрезанными. Но после таких предписаний Петр перестал приходить на вечера, во время которых христиане тогда причащались, его примеру последовал и апостол Варнава. Судя по всему, они оба принадлежали к тому типу людей, для кого худой мир все равно лучше ссоры.

Тут уж и апостолу Петру досталось от возмущенного Павла! «Апостол язычников» обвинил его в непоследовательности, сказав при всех достаточно обидные слова: *Если ты, будучи Иудеем, живешь по-язычески, а не по-иудейски, то для чего язычников принуждаешь жить по-иудейски?* (Гал. 2: 14)

И все-таки ссору в Антиохии двух первоверховных апостолов многие сильно преувеличивают. Как только иерусалимские братья удалились, Петр стал свободно общаться с антиохийскими христианами, и они с Павлом быстро помирились.

К сожалению, подобные директивы были направлены и в Галатию, в созданные Павлом церкви, где галатам объяснялось, что им неправильно была возведена Благая Весть. В галатийских церквях началось разделение: кто-то соглашался совершить обрезание, другие отвергли этот обряд, а были и те, кто по малодушию вместе с обрядом отказывался и от Христа.

Берегитесь псов, берегитесь злых делателей, берегитесь обрезания, потому что обрезание – мы, служащие Богу духом, и хвалящиеся Христом Иисусом, и не на плоть надеющиеся, хотя я могу надеяться и на плоть. Если кто другой думает надеяться на плоть, то более я, обрезанный в восьмой день, из рода Израилева, колена Вениаминова, Еврей от Евреев, по учению фарисей, по ревности – гонитель Церкви Божией, по правде законной – непорочный. Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетой (Фил. 3: 2–7) – написал Павел в Послании к Филиппийцам, и по этому, более позднему письму видно, насколько он был рассержен.

Наверное, эти события во многом и подтолкнули апостола Павла к третьему миссионерскому путешествию, во время которого он снова обошел галатийские церкви, увещевая христиан не доверять «злым делателям», после чего с учениками отправился дальше.

Особые миссионерские подвиги ожидали апостолов в Эфесе, где находилась резиденция римского проконсула малоазийской провинции Азия.

В то время Эфес был крупным портовым городом, через который римляне попадали в Малую Азию и оттуда – на Восток. Но уже в Эфесе для гостей города, как на витрине, был представлен полный набор всевозможных восточных культов и самых экзотических обрядов. На улицах и площадях Эфеса можно было встретить магов, колдунов, оракулов, астрологов, толкователей снов, прорицателей и проходимцев из разных стран, научившихся зарабатывать деньги на человеческом любопытстве. В ходу были также «фирменные» эфесские магические формулы и эфесские колдовские книги, которые стоили больших денег. В центре города стоял огромный храм Артемиды (Дианы) Эфесской, который уже в древности считался одним из чудес света, – и в дни храмовых праздников город еще больше обычного наполнялся приезжими.

В Эфесе апостол Павел с учениками прожил примерно два года. Он часто выступал в публичных местах, именем Христа творил чудеса, и многие почитали его за великого чудотворца, способного изгонять злых духов, даже предлагали купить у него этот дар. Были случаи, когда местные жители приносили к ногам апостола Павла колдовские книги и с покаянием их сжигали, обращаясь в христианство.

Одним из промыслов местных ювелиров в Эфесе было изготовление на продажу маленьких фигурок Артемиды Эфесской – сама статуя изображала богиню с двумя рядами многочисленных сосцов и символизировала плодородие. Начальник ювелиров, некий Димитрий, был встревожен словами христиан, что боги, *делаемые руками человеческими, не суть боги (Деян. 19: 26)*, и устроил по этому поводу манифестацию среди ремесленников.

С криками «Да здравствует Артемида Эфесская!» ювелиры бросились на улицы, увлекая за собой толпы праздного народа. Жители Эфеса быстро заполнили огромный театр, вмещавший, судя по раскопкам конца XIX века, около 24 тысяч человек. Для расправы были схвачены спутники апостола Павла – Гай, Аристарх, еще несколько христиан. Апостол Павел тоже хотел войти в театр, чтобы образумить эфесцев, но христиане убедили его не делать этого. Толпа все равно ничего не слышала и два часа только громко ревела: *Велика Артемида Эфесская!* (Деян. 19: 34)

С большим трудом городским властям удалось утихомирить эфесцев и освободить заложников. Ювелирам предложили выдвинуть официальное обвинение против тех, кто, по их мне-

нию, оскорбляет главную святыню города. Не дожидаясь судилища, которое не предвещало для них ничего хорошего, Павел с учениками покинули Эфес.

К тому же пришло время отвезти в Иерусалим пожертвование, которое Павел во время своих путешествий собирал для иерусалимской общины: *...иду в Иерусалим, чтобы послужить святым, ибо Македония и Ахация усердствуют некоторым подаянием для бедных между святыми в Иерусалиме* (Рим. 15: 25–26).

На обратном пути он еще раз посетил Филиппы и в кругу друзей отпраздновал Пасху. В Троаде, где апостол Павел со спутниками провел несколько дней, произошла одна памятная история. Накануне отъезда местные христиане собрались вечером в просторной комнате на верхнем этаже, чтобы вместе преломить хлеб и послушать Павла. Собрание затянулось до глубокой ночи, окна были открыты, и сидящий на подоконнике мальчик по имени Евтихий ненароком заснул и упал с третьего этажа на землю. Все были уверены, что ребенок погиб: он не подавал никаких признаков жизни. Но Павел с молитвой возложил на него руки – и Евтихий чудесным образом очнулся. После этого апостол до самого утра продолжал наставлять и утешать братьев – как будто навсегда с ними прощался.

Дух Святой по всем городам свидетельствует, говоря, что узы и скорби ждут меня (Деян. 20: 23), – сказал он епископам и пресвитерам, провожавшим его на корабль.

Добравшись до берегов Палестины, Павел со спутниками остановились в приморской Цезарии в доме Филиппа, одного из первых семи диаконов Иерусалимской Церкви, когда-то выбранного вместе со Стефаном.

В один из дней в дом Филиппа пришел пророк Агав – тот самый, который когда-то возвестил о голоде в Иерусалиме. Он молча подошел к апостолу Павлу, снял с него пояс, связал ему руки и ноги, после чего произнес пророчество:

– Так говорит Дух Святой: мужа, чей этот пояс, так свяжут в Иерусалиме Иудеи и предадут в руки язычников! (Деян. 21: 11)

Ученики стали умолять Павла отказаться от поездки в Иерусалим, но он говорил, что не боится уз и готов в любую минуту умереть за Христа.

В Иерусалиме апостол Павел рассказал братьям о своих трудах по просвещению народов светом Христовым, и это не могло не впечатлять: новые церкви появились во многих городах Малой Азии, Македонии и Греции. Сам «апостол язычников» был принят благосклонно, но все-таки настороженно: слишком много времени он провел среди людей, живущих по совершенно другим и таким чуждым для евреев правилам.

Чтобы убедиться в том, что Павел по-прежнему хранит верность еврейским традициям, ему предложили совершить очистительный обряд. Он должен был обрить голову и неделю провести в стенах Иерусалимского храма в посте и молитвах. Апостол Павел без малейших колебаний согласился. Он всегда гордился своим происхождением и считал евреев как потомков Авраама в первую очередь предназначенными к славе и спасению.

Шел седьмой день обета, когда произошло то, чего никто не ожидал. Люто ненавидящие Павла фарисеи распространили по городу слухи, будто бы, гуляя по городу с Трофимом Эфесским, необрезанным, они вместе вошли в Иерусалимский храм.

Конечно, это была провокация: Павел был человеком здравомыслящим и уважал традиции своего народа. В те годы над главными воротами Иерусалимского храма помещалась надпись: «Ни один чужеземец не смеет заходить за ограду храмового двора. Кто сделает это, сам навлечет на себя смерть!» – ее не так давно при раскопках обнаружили археологи.

В городе поднялась буря возмущения, обезумевшая толпа ворвалась в Иерусалимский храм. Фанатики схватили Павла, но не стали расправляться с ним тут же (пролитие крови внутри храма тоже было бы его осквернением), а вытащили на улицу.

В самосуд вовремя вмешались римские центурионы. Блюстители порядка сумели оттеснить на падавших и отвести Павла в сторожевую башню. У подножия лестницы давка была

такой сильной, что солдатам пришлось нести пленника на руках, чтобы спасти от обезумевшей толпы. Оказавшись в безопасном месте, Павел попросил разрешения обратиться к народу. Он не знал за собой никакой вины и хотел разъяснить ошибку. Стоя на лестнице, он сделал знак, что будет говорить, и когда на площади воцарилось молчание, обратился к собравшимся на еврейском языке. Но никто не захотел его слушать – толпа на площади снова стала в ярости кричать, метать одежды и бросать пыль на воздух (Деян. 22: 23), требуя смерти виновного, и что-либо объяснять было бесполезно...

Римляне приговорили нарушителя спокойствия к наказанию плетьюми. Но когда Павла стали привязывать к столбу, он по-гречески обратился к центуриону и заявил, что они не имеют права без суда наказывать римского гражданина. Пленного отвели к тысяченачальнику – эту должность в Иерусалиме тогда занимал некий Клавдий Лисий.

– Правда ли, что ты римский гражданин? – спросил Клавдий.

– Да, – ответил пленник.

Тысяченачальник очень удивился, заметив:

– Я за большие деньги приобрел это гражданство.

– А я родился в нем (Деян. 22: 28), – сказал ему апостол Павел.

Клавдий Лисий согласился выслушать Павла, но в присутствии обвинителей, которые явились во главе с первосвященником Ананией. Пленника на время освободили из оков и привели на судилище, которое проходило очень бурно.

В какой-то момент первосвященник вышел из себя и приказал бить Павла по губам, которые якобы произносили неподобающие речи.

– Бог будет бить тебя, стена подбеленная, – сказал Павел этому упрямому седовласому старцу. – Ты сидишь, чтобы судить меня по закону, и, вопреки закону, велишь бить меня (Деян. 23: 3).

Увидев, что на суд пришли вместе фарисеи и саддукеи, апостол Павел воскликнул:

– Братья! Я фарисей, сын фарисея; за чаяние воскресения мертвых меня судят (Деян. 23: 6).

Это был главный пункт, по которому учения фарисеев и саддукеев расходились. Саддукеи отрицали воскресение мертвых, существование ангелов и духов, а фарисеи, наоборот, все это признавали. Обвинители принялись горячо между собой спорить, и раздосадованный Клавдий закрыл заседание.

Тогда тысяченачальник отправил Павла с сопроводительным письмом в более высокую инстанцию – к прокуратору Феликсу, чья резиденция находилась в Цезарии. Вот полный текст этого по-римски лаконичного письма: *Клавдий Лисий достопочтенному правителю Феликсу – радоваться. Сего человека Иудеи схватили и готовы были убить; я, придя с воинами, отнял его, узнав, что он Римский гражданин. Потом, желая узнать, в чем обвиняли его, привел его в синедрион их и нашел, что его обвиняют в спорных мнениях, касающихся закона их, но что нет в нем никакой вины, достойной смерти или оков. А как до меня дошло, что Иудеи злоумышляют на этого человека, то я немедленно послал его к тебе, приказав и обвинителям говорить на него перед тобою. Будь здоров (Деян. 23: 26–30).*

Фанатики в Иерусалиме и впрямь замыслили убить апостола Павла. Сорок человек дали клятву не есть и не пить до тех пор, пока пленный будет жив. Но о заговоре стало известно, и для сопровождения Павла в Цезарию был снаряжен конвой из 200 пеших солдат, 70 конных и еще 200 тюремных охранников. Сам апостол выехал из города верхом на осле в плотном кольце вооруженных до зубов римских солдат – это было незабываемое и торжественное зрелище. Последнее пребывание апостола Павла в Иерусалиме продолжалось всего двенадцать дней – и теперь он в последний раз оглянулся на этот город...

От верной смерти пленника спасла привычка римлян во всем руководствоваться буквой закона, помноженная на обычную судебную волокиту. Прокуратор Феликс тоже согласился

рассматривать дело в присутствии обвинителей. Первосвященник со свитой явились в Цезарию, где снова началось непонятное для римлян разбирательство *в спорных мнениях, касающихся закона их* (Деян. 23: 29). Не исключено, что Феликс просто тянул время и, узнав о привезенном в Иерусалим крупном пожертвовании, домогался взятки.

Почти два года апостол Павел провел в тюрьме в Цезарии, продолжая видеться с учениками, направляя через них письма в свои церкви. Во Втором Послании к Коринфянам он нашел удивительный образ, называя христиан *письмом Христовым*, которое только написано не чернилами, но Духом Бога живого, не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца (2 Кор. 3: 3). Апостол Павел в неволе и сам становится для христиан таким письмом.

Спустя два года в Палестину на место Феликса прибыл новый римский наместник Порций Фест. Поздравить его с назначением в Цезарию приехал даже последний царь из фамилии Иродов – Ирод Агриппа II со своей сестрой Вереникой. Им тоже захотелось увидеть узника, о котором, вероятно, они были наслышаны. «Еще немного, и я сделался бы христианином», – удивленно заметил царь, выслушав не вполне понятные ему речи, но тоже не нашел за апостолом Павлом никакой вины.

Обвинители Павла явились в Цезарию к новому прокуратору и снова клеймили пленника последними словами. Но для прокуратора заключенный в первую очередь был римским гражданином, который во время суда поднял руку и сказал:

– Взываю к цезарю!

Это означало, что пленник требовал отвезти его на суд в Рим, – и по закону римскому гражданину нельзя было в этом отказать, в какой бы отдаленной части империи он ни находился.

– Ты взываешь к цезарю; ты пойдешь к нему, – ответил Павлу прокуратор.

В Италию апостола Павла сопровождали его преданные ученики – Тимофей родом из Филипп, Аристарх из Фессалоники и Лука, который подробно описал и внезапную бурю на Средиземном море, и кораблекрушение, и вынужденную зимовку на Мальте... Его книга «Деяния святых апостолов» заканчивается прибытием апостола Павла в оковах в Рим.

«Смерть соединила обоих; книга Деяний, с такой подробностью сохранившая в первой половине своей подвиги Петровы и подвиги Павла, во второй, в знак равенства обоих Апостолов, ничего не говорит об их кончине», – вот как объяснил это русский историк Андрей Николаевич Муравьев, современник Пушкина.

Святитель Иоанн Златоуст писал, что Лука остановился на интересном месте своего повествования, считая бесполезным продолжать то, что всем известно, потому что дальше будет продолжаться все то же самое: узы, темница...

Пребывание в Риме апостола Павла окутано тайной еще и потому, что римские христиане скрывали его местонахождение, оберегая от преследований.

По одной версии, апостол Павел несколько лет прожил в Риме под домашним арестом в ожидании верховного суда, продолжая проповедовать среди римлян. По другой – успел побывать с проповедью в Испании и даже еще раз посетил церкви в Малой Азии и Греции, и только после второго ареста его взяли в Риме под стражу.

Но все сходятся в том, что апостол Павел был казнен в Риме приблизительно в 64 (по мнению других исследователей – в 67) году во время гонений императора Нерона.

Как раз в 64 году в Риме случился страшный пожар, уничтоживший больше половины города, и вину за бедствие возложили на не причастных к этому христиан. Почти четыре года, до самой смерти Нерона, лилась кровь невинных людей – историки назвали этот период первым («нероновым») гонением.

Чтобы представить его масштабы, предоставим слово древнеримскому историку Тациту, который был сторонним наблюдателем событий и сам не слишком-то благоволил христианам. Но его сочинение «Анналы» содержит одно из первых упоминаний о христианах, живших в

Риме, и нам придется его вспомнить, каким бы страшным ни было это свидетельство. «... Нерон подыскал виновных и подверг тяжчайшим мукам людей, ненавидимых за их мерзости, которых чернь называла христианами. Прозвание это идет от Христа, который в правление Тиберия был предан смертной казни прокуратором Понтием Пилатом. Подавленное на некоторое время, это зловерное суеверие распространилось опять, и не только в Иудее, где возникло это зло, но и в самом Риме, куда отовсюду стекаются гнусности и бесстыдства и где они процветают. Итак, сначала были приведены к ответу те, которые покалялись, затем по их указанию великое множество других, не столько по обвинению в поджоге, сколько уличенные в ненависти к роду человеческому. И к осуждению их на смерть добавилось бесчестие. Многие, одетые в звериные шкуры, погибли, растерзанные собаками, другие были распяты на кресте, третьи – сожжены с наступлением темноты, используемые в качестве ночных светильников. Нерон предоставил свои сады для лицезрения этих огней и устроил игрища в цирке, где сам, наряженный возницей, толкался в толпе плебеев или разъезжал на колеснице. Так что хотя то и были враги, достойные самой суровой кары, они пробуждали сострадание, поскольку были истреблены не ради общей пользы, но из-за жестокости одного человека».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.